

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ПЕРИОД РЕФОРМ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.: ДУХОВЕНСТВО И ПАСТВА

Аннотация.

Актуальность и цели. В статье анализируется роль Русской православной церкви в Российской империи во второй половине XIX в. в период подготовки и проведения реформ. Исследование степени участия официальной церкви в жизни общества дает возможность проанализировать критерии успешности таких преобразований в современной России.

Материалы и методы. Исследование проблемы проведено на базе архивных источников, материалов периодической печати, опубликованных воспоминаний современников. Опираясь на оценки теоретиков и практиков того времени, автор проводит исследование эффективности различных форм воздействия духовенства на паству.

Результаты. Основная задача автора – обобщить данные источников по поводу положения православного духовенства после отмены крепостного права. Обобщены и систематизированы подходы к оценке качества церковной печати в России.

Выводы. Рассматриваются оценки современников относительно места Русской православной церкви в государстве, оценивается эффективность политики церкви в многоконфессиональном российском обществе.

Ключевые слова: официальная церковь, духовная бюрократия, проекты реформ, конфессиональная политика, паства.

N. G. Karnishina

THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE PERIOD OF REFORMS OF THE SECOND HALF OF XIX CENTURY: CLERGY AND FLOCK

Abstract.

Background. The article analyzes the role of the Russian orthodox church in the Russian Empire in the second half of XIX century in the period of reform preparation and implementation. Investigation of the degree of participation of the official church in people's lives allows to analyse criterions of success of such transformations in modern Russia.

Materials and methods. The problem was investigated on the basis of archive sources, materials of periodicals, published memories of contemporaries. Guided by estimations of theoreticians and practicians the author investigates effectiveness of different forms of clergy's influence on flock.

Results. The main aim of the author is to generalize sources on the position of the orthodox clergy after cancellation of serfdom. The article generalizes and systematizes approaches to estimation of the church press quality in Russia.

Conclusions. The contemporaries' estimations of the place of the Russian orthodox church in the state have been considered, the effectiveness of the church's policy in the vast Russian community has been estimated.

Key words: official church, ecclesiastical bureaucracy, projects of reforms, confessional policies, flock.

В 1860-х гг. Русская православная церковь (РПЦ) участвовала в проведении реформ, с одной стороны, как звено в бюрократическом механизме государства, с другой стороны, церковная реформа, идущая в контексте общего реформаторского процесса, включала РПЦ в модернизационный поток «реформ сверху». В тоже время после проведения реформы по отмене крепостного права на общем фоне обострения общественной атмосферы и половинчатости реформ в самой церкви востребована становится более не бюрократическая, а духовно-идеологическая функция православия, прежде всего в плане возможностей воздействия на паству.

К концу 1870 – началу 1880-х гг. можно отметить такое явление, как конфессионализация общественной жизни, что нашло выход в создании различных общественных союзов, усилении позиций церкви в образовании, нарастании ритуализации поведения в официальной среде и в полемике на религиозные темы на страницах периодических изданий. Данная тенденция просматривается и в столичных, и в провинциальных городах, а особенно – в Западных губерниях Российской империи [1, с. 19].

Причину изменения отношения к роли Русской православной церкви в жизни общества точно сформулировал, на наш взгляд, в 1881 г. уездный предводитель дворянства И. С. Листовский в своей записке к К. П. Победоносцеву: «Сейчас нужна высшая опора благодати, нужна сила, которая одинаково притягивала бы всех без различия положения, состояния и умственного развития. Иначе вечно стремления людей будут разниться. Главный движитель народной жизни в России есть церковь. Но нигде она так не влияла на судьбы народа, как в России, потому что здесь, найдя благодарную почву во внутренних свойствах народа, она сроднилась с ним и сделалась исключительно национальною религией» [2, л. 13–14].

Безусловно, при анализе следует учитывать поликонфессиональную структуру российского общества, осложненную имперской моделью государственного устройства. Столичные жители, более чем провинциальные, осведомленные о положении дел в верхушке светской и духовной бюрократии и всех перипетиях борьбы интересов в пореформенный период, менее всего склонны были идеализировать степень влияния духовенства на положение дел в империи, понимая его подчиненное положение в государственной иерархии.

Так, в понимании отношений православного духовенства и паствы Московской губернии следует учитывать тот факт, что в Московской губернии в середине 1860-х гг. проживало 32 475 раскольников и 36 005 раскольников, т.е. в общей сложности 68 477 человек. Если сопоставить эту цифру с общей численностью населения губернии в тот же период (1348 тыс. человек), то увидим, что приверженцы старообрядчества составляли 1/20 часть жителей. По сравнению с николаевским периодом за десять лет по Московской губернии количество приверженцев старой веры увеличилось на 5300 человек. Если прибавить к этим данным еще и количество поповцев и беспоповцев, то количество старообрядцев в Московской губернии возрастет до 70 234 человек [3, л. 7].

При сравнении географии и плотности расселения старообрядцев в целом по стране, то помимо Московской губернии можно выделить Пермскую, Томскую, Вятскую губернии и Донскую область. В отчетах обер-прокурора

Синода ежегодно отслеживалась статистика по староверам. По Саратовской губернии, например, подробный список раскольников был представлен духовенством в 1886 г., из которого следовало, что на 653 прихода епархии приходилось 126 036 старообрядцев [4, с. 149–150].

В Ярославской губернии число раскольников составляло на тот период 8184 человека, а в Симбирской губернии – 34 500 человек [5, с. 7–8].

Являясь элементом конфессиональной политики, раскол находился в ведении и духовных и светских властей. По многим показателям проблема старообрядцев оставалась нерешенной религиозно-церковной проблемой на протяжении второй половины XIX – начала XX в. С одной стороны, старообрядцы зачастую успешно отстаивали свои права, но, с другой стороны, продолжались преследования староверов, зачастую с нарушением их гражданских прав. Законодательно старообрядчество в России было поставлено в разряд гонимой религии.

Согласно изменению, сделанному в Своде законов Постановлением от 4 ноября 1863 г., предусматривались многоступенчатые назидания и увещания на православных, уклонившихся в раскол вначале местными приходскими священниками, затем епархиальным начальством. Если меры оказывались безуспешными, то «совратившихся» вызывали в духовное правление или в консисторию, где, если это было необходимо, увещания проводил сам архиерей, но, как было прописано, «такие увещания и назидания производятся без отвращения от места жительства и обыкновенных трудов и занятий» [6, с. 186–187].

Постановление 1863 г. было принято под влиянием крестьянской реформы 1861 г. в виду распространения раскола среди крестьян. В волостях, где население состояло из православных и раскольников, волостной старшина должен был быть из православных, а сельские старосты и помощники волостного старшины могли быть выбраны из раскольников.

Епархиальное начальство уделяло большое внимание староверам. Архиепископ Савва (Тихомиров) в письме государственному контролеру Т. И. Филиппову от 29 ноября 1862 г. писал: «Дошли до меня слухи, по-видимому достоверные, что, по благословению Московского Святителя, открыты в Москве, именно в Пятницкой Охотного ряда церкви, состязания православных с раскольниками. Если это справедливо, то да воздаст Господь Бог Его Высокопревосходительству за решение уз, доселе лежавших на слове, и за избрание важнейшего и самого прямого и церкви достойного пути к умиротворению духовной распри, разделяющей народ наш с давних пор» [7, л. 9].

Стремление уважаемого и просвещенного владыки к диалогу со старообрядцами строилось на понимании водораздела, лежащего между ними и официальной церковью, усиливавшегося ограничительными и карающими законами в отношении староверов.

На наш взгляд, меры правительства, направленные на борьбу с распространением раскола и в столичных, и в провинциальных епархиях, наглядно демонстрируют использование чисто бюрократических методов с опорой на губернаторов. Духовная консистория участвовала в составлении отчетности по расколу и содействовала деятельности благочинных и миссионеров. При этом водораздел между староверами и официальной церковью не преодолел

вался в рассматриваемый период, а нарастал, тем самым сокращая возможности духовенства в его воздействии на паству.

В официальной записке князя Н. А. Орлова Александру II содержится анализ церковных гонений на раскол с точки зрения динамики взаимоотношений светской и духовной властей. Конфликт церкви и старообрядчества, по мнению автора, был связан не столько с деятельностью староверов, сколько с тем положением, которое занимала церковная организация в государственной структуре. Н. А. Орлов считал, что «общество только косвенно участвует в государственной жизни, общественное мнение не развито. В результате раскол живет своей замкнутой жизнью» [8].

Приоритет в решении проблем раскола оставался за правительством. Гласное обсуждение положения старообрядцев, за которое так ратовал архиепископ Савва (Тихомиров), не входило в планы бюрократического государства, что в конечном счете ударило по престижу и влиянию церкви на мирян.

Статский советник Стенбок в своей записке пришел к выводу, что «меры излишней строгости порождают в раскольниках фанатизм, лицемерие, подкупы и усиление доходов земской полиции и сельского духовенства. Главная причина, поддерживающая и усиливающая раскол, – протест против правительства, невежество и корыстолюбие духовенства, корыстолюбие земской полиции и вообще жадность чиновного мира к раскольническим деньгам» [9, с. 325].

Среди мер, применяемых чиновниками особых поручений при губернаторе по отношению к расколу, были следующие: производство следствия по конкретным лицам, причастным к расколу; составление подробных описаний раскольничьих скитов (описание, составленное чиновником особых поручений П. И. Мельниковым раскольничьих скитов Нижегородской губернии, используется исследователями по сей день); производство следствия по открытым беспорядкам в скитах; в отдельных случаях попытка обратить заблудших увещеваниями в единоверие; составление справки о расколе в Министерстве внутренних дел.

Проблема раскола и роли Русской православной церкви в его преодолении вызывала интерес в обществе, усилившийся при подготовке церковной реформы и нашедший отражение в печати. Редакция журнала «Вестник Европы» в целом поддерживала стремления старообрядцев к большему участию в жизни общества. Ограничения должны были касаться только «вредных сект (скопцы, хлысты)», так как «только образование может способствовать уничтожению тех сект, которые были действительно вредны» [10, с. 437].

В образованном обществе были сильны настроения секулярного гуманизма, воздействовавшего на церковный либерализм, но вопрос о свободе совести в публицистике этого периода не затрагивал проблем неверия и атеизма. Публицистика демократического направления, критикуя официальную церковь, все же не решалась отвергать христианство, понимаемого ею как гуманизм. Начальник III отделения П. А. Шувалов по этому поводу писал в своем отчете за 1869 г.: «По тем данным, которые представляет наша журналистика за одни только два последние года, можно смело сказать, что она дошла до немыслимой распущенности. В критических статьях отрицаются сказания библейские с целью поколебать основы православия. Среди них: “Вестник Европы”, “Санкт-Петербургские ведомости”, “Голос”, “Судебный

вестник”, “Отечественные записки”, “Русский архив”, “Русская старина”. Другая группа изданий занимается общесоциальной и антирелигиозной пропагандой. К этой группе принадлежат: “Неделя”, “Дело”, “Всемирный труд”, “Заря» [11, л. 67–68, 71].

Всего в пореформенный период издавалось 30 светских и духовных газет и журналов, занимавшихся обсуждением церковного вопроса. Среди них можно особо выделить «Православное обозрение», «Православный собеседник», «Христианское чтение», «Церковно-общественный вестник», «День». Много публицистических материалов по церковным вопросам печаталось в таких изданиях, как «Русская беседа», «Русский вестник», «Сын Отечества», «Русское слово», «Неделя», «Современник», «Отечественные записки».

Безусловно, большую роль в привлечении внимания общества к проблемам официальной церкви и расколу играла церковная журналистика, которая получает развитие с конца 1850-х гг. К более раннему периоду относятся журналы Санкт-Петербургской («Христианское чтение») и Киевской («Воскресное чтение») духовных академий, занимавшихся просветительской деятельностью.

Большую роль в оживлении общественной жизни церкви в епархиях сыграло учреждение Синодом в 1860 г. Положения о создании в каждой епархии официальной газеты, которая должна была называться по названию епархии. Впервые «Епархиальные ведомости» появились в 1860 г. в Ярославской епархии. Инициатива этого издания принадлежала архиепископу Херсонскому и Таврическому Иннокентию (Борисову), который выработал программу газеты и добился ее утверждения Синодом. Руководство «Епархиальными ведомостями» возлагалось на епархиального архиерея и консисторию; редактором назначали благочинного или преподавателя одного из духовных учебных заведений. Из бюджета газеты оплачивалась работа цензора и одного из чиновников консистории. «Епархиальные ведомости» учреждались по епархиям постепенно на протяжении 1860–1880-х гг. и представляли собой официальное издание, в котором содержались официальный и неофициальный отделы.

Среди столичных церковных газет выделялась газета «Церковно-общественный вестник», выходившая с 1874 г. в Петербурге и принимавшая самое активное участие в обсуждении церковной реформы. Публицисты Гиляров-Платонов, Гумилевский выступали за реформы в церкви в интересах всей церкви. Такие авторы, как Н. В. Елагин, еп. Игнатий (Брянчанинов), еп. Амвросий (Ключарев), В. И. Асоченский, В. Б. Бажанов, поднимая вопросы церковного управления, выступали, однако, за сохранение сложившейся полной зависимости церкви от государства.

В целом на страницах церковных газет и журналов в пореформенный период поднимались вопросы обеспечения белого (в основном сельского) духовенства; предложения по реформе церкви; вопрос о церковном управлении; о монастырях и монашестве; о расколе, сектанстве и неверии; о взаимоотношениях церкви и секулярной культуры; о взаимоотношениях с другими конфессиями.

Церковная журналистика не могла выполнять коммуникативную функцию и служить связующим звеном между православными всей империи. «Епархиальные ведомости» служили в первую очередь удобным каналом для

духовной бюрократии столицы в передаче указов Синода на мзста, доведения таким образом информации до причтов. В дальнейшем церковные издания, сохраняя свое бюрократическое назначение, усиливают воспитательную функцию своих изданий. В 1881 г. существовало 12 церковных газет и журналов. За период с 1881 по 1894 г. было открыто еще 19 изданий. Семь из них являлись религиозно-назидательным чтением для народа с публикацией проповедей, богословских рассуждений, назиданий. По мнению С. Г. Рункевича, «особенностью возникавших в 80-х гг. новых изданий было их стремление войти в каждый дом в качестве проповедника» [12, с. 208–210].

В газете «Современные известия» по этому поводу отмечалось, что без демократизации прихода уровень паствы так никогда и не повысится; сохранится безразличие к сложным формам приходской жизни, скудным останется обеспечение духовенства; неэффективным – его учительство. «Возражаете ли вы, лица белого духовенства, – писал редактор, – против самоправности приходов, исходя из понятия, что вы не более как чиновники-духовные становые, нагляднее сказать» [13, с. 247].

Среди светских газет духовным вопросам большое место уделяли «Голос», «Санкт-Петербургские ведомости» как сторонники последовательных реформ в духовном ведомстве; «День» и «Москва» И. С. Аксакова, стоявшие на позиции решительных изменений в церковно-государственных отношениях; «Московские ведомости» М. Н. Каткова и «Современные известия» Н. П. Гилярова-Платонова, которые высказывались за освобождение духовенства от сословных ограничений в поддержку возрождения церковного прихода. Если в 1860-х гг. в публикациях о церкви, как правило, основное внимание уделялось проблемам реформирования церковного управления и состоянию материального обеспечения благочинных, то в к. 1870-х гг. и на протяжении 1880-х гг. круг обсуждаемых проблем значительно расширился.

Е. М. Феоктистов в своих воспоминаниях пришел к выводу, что в духовной атмосфере 1880-х гг. было немало общего с настроением 1850-х гг., когда «слышен был только свист кнута и звуки барабана», что приводило к усилению религиозной экзальтации в различных слоях общества, проявлявшейся в поиске нового духовного идеала, росту сектанства в крестьянской среде, законодательному закреплению позиций церковности в жизни общества [14, с. 306].

Газета «Гражданин» прямо обвинила членов Синода, погубивших, по ее мнению, дело реформирования РПЦ [15, с. 91]. Аксаковская «Русь» стояла за народное единство и оживление синодальной церкви, за терпимость по отношению к старообрядцам. Либеральные издания «Порядок», «Неделя», «Новости», «Русские Ведомости», «Голос» защищали право религиозного выбора как одну из общественных свобод и требовали бороться с иноверием чисто духовными средствами, стремясь к «деэтатизации» общества [16, с. 5].

Сплачивающая, мобилизующая функция религии в период кризиса и нестабильности в обществе оказалась востребованной именно на волне разочарования реформами, последовавшей вслед за общественным подъемом конца 1850 – начала 1860-х гг.

Религиозность и вера в противовес, по выражению редактора «Руси» И. С. Аксакова, «общественным настроениям 1860-х и 1870-х гг., которые дали России нигилистов, анархистов и динамитчиков (!)» [17, с. 2] как массо-

вый феномен, стали явлением политической целесообразности и организационной силы. По сути, православие рассматривалось правительством как социоцентрическая религия, сосредоточенная на сакрализации социально-значимых ценностей.

«“Что такое церковь?” – спрашивал в 1881 г. министр внутренних дел Н. П. Игнатьев в письме к К. П. Победоносцеву и сам отвечал: “Собрание всех верующих”, – находим мы ответ в Катехизисе. Достаточно ли такое определение и что такое “собрание верующих?” Не составляет церковь политическое учреждение, так как мы видим в ней, с одной стороны, целую массу обрядов, а с другой – целый ряд канонов, постановлений и административных форм. Собрание всех верующих, т.е. соединение всех в единое тело, одушевленное благодатию, – вот глубинный смысл этого определения. Каждый член церкви сознает себя членом единого тела» [18, л. 13].

Православие как официальная религия несла в себе ценность в плане сохранения единства социальной общности. Церковно-политическая идеология, соприкасавшаяся с идеологией самодержавия, с идеей божественного происхождения власти, порождала религиозность особого рода, опиравшуюся на сакрализацию социальных объектов, что в свою очередь обеспечивало реальную эффективность христианского ритуала. Именно церковное обрядоверие, характерное для русских крестьян, недостаточная развитость функций церкви как духовного учреждения в силу политической ангажированности ее служителей, недостаточная подготовленность духовенства, низкий уровень грамотности населения и предопределили использование в реформаторском процессе именно духовной бюрократии с опорой на ритуализацию поведения мирян.

На фоне высокой динамики развития общества пореформенного периода, при несовпадении сословной и конфессиональной принадлежности граждан православное духовенство, сохраняя свою кастовость, все более отдалялось от паствы, что показал опыт привлечения духовенства к проведению реформы по отмене крепостного права. Духовная бюрократия, рассматривавшаяся властью как неотъемлемая часть бюрократического канала, ближе других находившаяся к населению, вынуждена была искать пути укрепления своих коммуникационных связей, учитывая происходившую трансформацию традиционных ценностей в сознании людей, что находило выражение и в развитии церковно-приходских школ, и в усилении требований к проповеди, и в распространении духовной литературы.

Список литературы

1. **Карнишина, Н. Г.** Западные губернии Российской империи: проблемы государственно-правового устройства / Н. Г. Карнишина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2012. – № 3. – С. 14–20.
2. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 587. Оп. 1. Д. 17.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 564. Оп. 1. Д. 680.
4. Современный раскол (Повременные выпуски) / под ред. В. М. Скворцова. – СПб., 1903. – Т. I. – 189 с.
5. **Дмитриевский, В.** Современный раскол в Ярославской епархии и борьба с ним. Статистический очерк / В. Дмитриевский. – Ярославль : Типография губернского правления, 1892. – 46 с.

6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 : в 55 т. – СПб., 1866. – Т. 38. – 165 с.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 150.
8. Орлов, Н. А. Мысли о расколе князя Николая Алексеевича Орлова / Н. А. Орлов. – СПб., 1881. – 19 с.
9. Кельсиев, В. И. Сборник правительственных сведений о раскольниках / В. И. Кельсиев. – Лондон, 1862. – Вып. 4. – 347 с.
10. Вестник Европы. – 1869. – Т. 2, № 3. Внутреннее обозрение.
11. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 34.
12. Рункевич, С. Г. Русская церковь в XIX в. / С. Г. Рункевич. – СПб., 1901.
13. Гиляров-Платонов, Н. П. Вопросы веры и церкви / Н. П. Гиляров-Платонов. – СПб., 1892. – Т. III.
14. Феоктистов, Е. М. За кулисами политики и литературы. 1848–1896 гг. / Е. М. Феоктистов. – М., 1991.
15. Гражданин. – 1905. – № 31.
16. Церковный вестник. – 1881. – № 9. – Л. 6–9, 12 ; 1882. – № 12.
17. Русь. – 1880. – 29 ноября.
18. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 587. Оп. 1. Д. 17. Л. 13 об.

References

1. Karnishina N. G. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* [University proceedings. Volga region. Humanities]. 2012, no. 3, pp. 14–20.
2. *Nauchno-issledovatel'skiy otdel rukopisey Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki (NIOR RGB)* [The manuscript research department of the Russian state library]. F. 587. Op. 1. D. 17.
3. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF)* [State archive of the Russian Federation (GARF)]. F. 564. Op. 1. D. 680.
4. *Sovremennyy raskol (Povremennyye vypuski)* [Modern schism (Periodical issues)]. Ed. by V. M. Skvortsov. Saint-Petersburg, 1903, vol. I, 189 p.
5. Dmitrievskiy V. *Sovremennyy raskol v Yaroslavskoy eparkhii i bor'ba s nim. Statisticheskii ocherk* [Modern schism in the Yaroslavl eparchy and the struggle against it. A statistical essay]. Yaroslavl: Tipografiya gubernskogo pravleniya, 1892, 46 p.
6. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie 2: v 55 t.* [Complete laws of the Russian Empire. Collection 2: in 55 volumes]. Saint-Petersburg, 1866, vol. 38, 165 p.
7. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA)* [Russian state historical archive]. F. 796. Op. 442. D. 150.
8. Orlov N. A. *Mysli o raskole knyazya Nikolaya Alekseevicha Orlova* [Prince Nikolay Alekseevich Orlov's thoughts on the schism]. Saint-Petersburg, 1881, 19 p.
9. Kel'siev V. I. *Sbornik pravitel'stvennykh svedeniy o raskol'nikakh* [Collection of government information on the schismatics]. London, 1862, iss. 4, 347 p.
10. *Vestnik Evropy* [European bulletin]. 1869, vol. 2, no. 3, Internal review.
11. GARF. F. 109. Op. 223. D. 34.
12. Runkevich S. G. *Russkaya tserkov' v XIX v.* [The Russian church in XIX century]. Saint-Petersburg, 1901.
13. Gilyarov-Platonov N. P. *Voprosy very i tserkvi* [Problems of faith and church]. Saint-Petersburg, 1892, vol. III.
14. Feoktistov E. M. *Za kulisami politiki i literatury. 1848–1896 gg.* [Behind the scenes of politics and literature. 1848–1896]. Moscow, 1991.
15. *Grazhdanin* [The citizen]. 1905, no. 31.
16. *Tserkovnyy vestnik* [Church bulletin]. 1881, no. 9, L. 6–9, 12; 1882, no. 12.
17. *Rus'* [Rus.]. 1880, 29 November.
18. *Otdel rukopisey Rossiyskoy natsional'noy biblioteki (OR RNB)* [The manuscript department of the Russian national library]. F. 587. Op. 1. D. 17. L. 13 ob.

Карнишина Наталья Геннадьевна

доктор исторических наук, профессор,
кафедра государственно-правовых
дисциплин, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: karnishins@mail.ru

Karnishina Natalia Gennadievna

Doctor of historical sciences, professor,
sub-department of state and legal
disciplines, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 94(47)

Карнишина, Н. Г.

Русская православная церковь в период реформ второй половины XIX в.: духовенство и паства / Н. Г. Карнишина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2016. – № 1 (37). – С. 14–22.